

УДК 141.4:27(470)

ББК 87.3(2)53

ДВЕ КОНЧИНЫ (Н.Н. СТРАХОВ И В.В. РОЗАНОВ)**В.А. ФАТЕЕВ**

Издательство «Росток» (Санкт-Петербург)

11-я линия В.О., д. 58, оф. 56, г. Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация

E-mail: vfateyev@gmail.com

Статья написана на основе доклада, сделанного 4 февраля 2019 г. в Петербурге, на конференции по случаю 100-летия кончины В.В. Розанова. Тема статьи – сопоставление двух связанных между собой памятных событий: ухода из жизни 24 января 1896 г. философа и литературного критика Н.Н. Страхова и кончины его младшего друга и подопечного, эссеиста, мыслителя и критика В.В. Розанова почти четверть века спустя – 23 января 1919 г. Показано, что Розанов очень переживал за своего наставника и «опекуна» в литературе, перенесшего в 1895 г. операцию по поводу онкологического заболевания и после обострения болезни в январе 1896 г. настойчиво убеждал его «причаститься по обряду нашей Церкви». Подвергаются критическому анализу данные из статьи 1907 г. публициста П.А. Матвеева, который утверждал, будто Страхов был неверующий и исповедоваться и причащаться категорически отказался. Но, согласно приводимому свидетельству писателя Д.И. Стахеева, опровергавшему это мнение в гневном письме в редакцию, Матвеев был пристрастен в своих оценках и дело обстояло сложнее: перед смертью Страхов все-таки пожелал исповедоваться, но священник пришел уже после его смерти. Во второй части статьи подробно рассматриваются обстоятельства кончины В.В. Розанова, который умер в Сергиевом Посаде, возле духовного центра Православия, хотя и написал там после революции богохульный «Апокалипсис нашего времени». Особое внимание сложной обстановке, сложившейся вокруг смерти писателя. Отмечается, что после кончины Розанова его семья разослала во многие адреса письма с сообщением, что он умер христианином после соборования и неоднократного принятия Св. Таин. Тем не менее, согласно приводимому сообщению Э. Ф. Голлербаха, в обществе упорно распространялись слухи, будто Розанов после причастия поклонился и языческим божам. Для воссоздания подлинной картины кончины Розанова широко используются опубликованные уже в 2010-е годы дневники С.Н. Дурьлина за 1917–1919 годы, в которых подробно рассказывает о приезде Розанова в Сергиев Посад в августе 1917 года, его антихристианских настроениях после революции, отразившихся в «Апокалипсисе нашего времени». Детально исследуются материалы о предсмертных днях писателя, когда произошел чудесный поворот в его воззрениях, его мирной кончине под пеленой св. Сергия и похоронах по православному обряду на кладбище Черниговского скита, рядом с его единомышленником, философом Константином Леонтьевым. В заключение делается вывод о том, что согласно дневникам, не оставляющим никаких сомнений, В.В. Розанов «умер как христианин».

Ключевые слова: история русской мысли, столетие смерти В.В. Розанова, кончина Н.Н. Страхов, православные обряды, дневники С.Н. Дурьлина, христианская кончина Розанова

TWO DEATHS (NIKOLAY STRAKHOV AND VASILY ROZANOV)**VALERY A. FATEYEV**

Rostok Publishers, St Petersburg

Line 11 VO, d. 58, of. 56, St. Petersburg, 199178, Russian Federation

E-mail: vfateyev@gmail.com

This article is written on the basis of the report made on February 4, 2019 in St. Petersburg, at the conference commemorating the Centenary of Vasily Rozanov's Death. The subject of the article is a

comparison of two memorial dates – the passing away of the philosopher and literary critic Nikolai Strakhov, on January 24, 1896, and the demise of his younger friend Vasily Rozanov, a prominent thinker, essayist and critic, who developed as a writer under Strakhov's friendly tutorship, on the same day 23 years later – February 5, 1918. The author shows that Rozanov was deeply upset with the disease of his teacher in literature, who had oral cancer surgery in 1895, and after a new exacerbation in January 1896 tried to convince him to "take the Holy Communion according to the sacramental rites of Our Church". The article provides a critical analysis of the data given by the journalist Pavel Matveyev in his article of 1907, in which he asserted that Strakhov allegedly was a non-believer and refused to take the Communion. But according to the quoted witness of the novelist Dmitry Stakheyev, who refuted this assertion in an indignant letter to the editorial board, Matveyev's opinion was biased and the situation was more complicated: Strakhov wished to take the Communion shortly before he passed away but a priest came after his death. The second part of this article offers a detailed investigation into the circumstances of Rozanov's demise in Sergiyev Posad, near the spiritual centre of Orthodox Russia, where, after the revolution, he had written his blasphemous "Apocalypse of Our Time". Special attention is given in the article to the complicated situation associated with the writer's death. It is said that Rozanov's family sent letters to numerous addresses informing that he had died as a Christian after taking the Anointing of the Sick, the Confession and the Holy Communion several times. Nevertheless, according to the quoted essay of Erich Gollerbach, rumours were steadily disseminated in society that Rozanov allegedly also paid worship to heathen deities after the Communion. To re-create the authentic picture of Rozanov's last days, the author widely relies on the diaries of the writer and priest Sergei Durylin of 1917 - 1919, published only recently, in the 2010s, which describe in detail Vasily Rozanov's arrival in Sergiyev Posad in August 1917 and his bitter anti-Christian moods after the revolution, reflected in the "Apocalypse". Particular attention is given to the writer's last days, when a miraculous turn in his ideas took place, his peaceful passing away under the shroud of St Sergius and his Christian burial at the Cemetery of the Chernigov Monastery next to another prominent thinker, Konstantin Leontyev, sharing the same views. At the end, it is concluded that, according to the diaries leaving no doubt, Vasily Rozanov "died as a Christian".

Key words: *history of Russian thought, Centenary of V.V. Rozanov's death, N.N. Strakhov's death, Orthodox rites, S.N. Durylin's diaries, Rozanov's Christian death*

5 февраля 2019 года отмечалась памятная дата: столетняя годовщина со дня смерти Василия Васильевича Розанова. Прошел целый век с тех пор, как покинул этот бранный мир единственный в своем роде русский мыслитель и эссеист, взбудораживший своими парадоксальными писаниями всё культурное сообщество России на рубеже XIX–XX столетий. Имя Розанова известно сегодня в нашей стране каждому мало-мальски образованному читателю.

Отметим еще, что 24 января 1896 года, за 23 года до этого памятного события, скончался старший друг и литературный наставник Розанова Николай Николаевич Страхов. На это поразительное совпадение дат нельзя не обратить внимание, так как Страхова и Розанова связывало очень многое. Учитель, скорее «опекун», Розанова, помогавший талантливому, но непрактичному писателю обрести устойчивую репутацию в суровом литературном мире, ушел из жизни чуть ли не в полном забвении. И едва ли найдутся желающие возражать, что никто не сделал столько для памяти Страхова, сколько Розанов, благодарный ему за помощь в годы своего становления.

Еще лет тридцать тому назад слава самого Розанова только-только зарождалась (точнее, возрождалась) в первых, еще довольно робких, но востор-

женных опусах самых пытливых искателей забытых талантов отечественной литературы и философии, среди которых выделялись В.Г. Сукач и А.Н. Николюкин. Эти и другие энтузиасты приложили немалые усилия для восстановления доброго имени непризнанного гения русской словесности Серебряного века, точно так же, как и сам Розанов в свое время заботился о памяти Николая Николаевича Страхова. В 1990-е годы еще казалось, что не посвяти Розанов столько проникновенных статей, упоминаний и комментариев к письмам несправедливо полузабытому мыслителю и критику, об этом внешне мягком и скромном, но неодолимом апологете идеализма и духовной трезвости в философии и литературе никто бы и не вспомнил. По крайней мере, именно Розанов по-настоящему поднял тему литературного изгнания и либерально-оппозиционного террора, в которой вопиющий пример забвения Страхова стал центральным эпизодом общей тенденции замалчивания представителей русской консервативной мысли. Сегодня книга Розанова «Литературные изгнанники» вошла в золотой фонд русской словесности.

Теперь, на столетнем отдалении, видится, что время расставляет всё по своим местам и самое достойное в творчестве рано или поздно получает-таки признание по заслугам. Когда-то преданный забвению как «реакционер» и «декадент» Василий Васильевич Розанов, память которого мы в этом году отмечаем, давно уже, можно сказать, почивает на лаврах на литературном Олимпе, и после вполне триумфального завершения 30-томного собрания сочинений и грандиозной «Розановской энциклопедии» мы можем теперь терпеливо следить за изданием Полного собрания сочинений в 35 капитальных томах.

Признание Страхова, которое также имеет место, конечно не столь широко и впечатляюще, но и сам талант этого вдумчивого мыслителя и тонкого литературного критика, которого Розанов назвал «Баратынским русской философии», не так громок. Однако и Страхов получает сегодня свою долю внимания, о чем свидетельствуют прошедшие в 2018 году в Белгороде очередные, уже VIII Страховские чтения.

Выстраивается новая, более объективная история русской критики, в которой ведущее положение занимают не Писарев, Добролюбов или Чернышевский и даже не «неистовый Виссарион», автор позорного, обличительного письма к Гоголю, а Аполлон Григорьев, Николай Страхов, Юрий Говоруха-Отрок и, конечно, Василий Розанов.

* * *

Близость к старости навеивает людям мысли о достойном уходе из жизни. Православные христиане регулярно возносят на литургии молитвы о даровании кончины «безболезненной, непостыдной и мирной». Как известно, в Православии считается, что как человек умер, такова будет и его вечная жизнь. Поэтому важное значение придается исполнению перед кончиной православных обрядов: соборования, исповеди и причастия. Василий Васильевич Розанов, кото-

рый был по натуре вольнодумцем и бунтарем, а по жизни – большим грешником, всё же в глубине души не сомневался, что помирать он будет в Церкви. С этой мыслью не в последнюю очередь, надо думать, и перебирался он с семьей в Сергиев Посад в 1917 году.

Однако как раз там застала его катастрофически воспринятая им революция, и под ее влиянием именно в Сергиевом Посаде были им написаны гениально яркие и в то же время ужасные по своему христоропечеству, очень личные заметки «Апокалипсиса нашего времени». После них очень трудно, почти невозможно было бы поверить в христианскую кончину их автора, когда бы эти беспримерно дерзновенные и в то же время горячие, вдохновенные строки не были писаны рукой Розанова – единственного в своем роде мыслителя, который, как никто, испытывал внутреннюю убежденность, будто всё, что он говорил, хочет Бог, чтобы он говорил. Этот «русский Протей» пережил в своей жизни столько невероятных превращений, что последнее из них – от страшной инсurreкции против Христа к умиротворению под сенью святого Сергия в православной обители и в окружении верующих христиан – кажется столь же невозможным, сколь и реальным, как и все предыдущие. Более того, в этом лишенном всякой логики последнем повороте его крайне противоречивая жизнь получила в каком-то высоком, нездешнем смысле целостный и законченный характер.

* * *

Чтобы поверить в возможность христианской кончины Василия Васильевича после кощунственно-богоборческих страниц «Апокалипсиса нашего времени», надо вспомнить, впрочем, Розанова той поры, когда он печалился о предсмертных днях Н.Н. Страхова, воздерживавшегося от принятия церковного причастия.

В середине 1890-х годов, когда скончался Страхов, Розанов находился на пике своего раннего консервативного периода: спорил с Владимиром Соловьевым, борясь против толерантности в вопросах веры, яростно нападал на Льва Толстого за неверие и вообще выступал ярким сторонником консерватизма леонтьевско-победоносцевского толка. Его увлечение темой пола в то время еще даже не начиналось, да, возможно, при *живом* Страхове, пусть и далеко не в такой степени ортодоксально-церковном и консервативном, но более стойком и традиционном в нравственном отношении, и не могло начаться.

Однако получилось так, что к концу жизни бывший семинарист и «почвенник» Страхов, который сблизился с Розановым как раз на почве консервативно-славянофильских идей, оказался в религиозном отношении гораздо большим скептиком, чем его подопечный. При том, что в его душе несомненно жила вера в Бога, он испытывал недовольство официальным богословием, в котором видел больше позитивизма и приспособления к власти имущим, чем веры. Мешал и личный рационализм, присущий ему как ученому, хотя он под-

вергал слишком уповающую на прогресс науку намного опережающей время пронизательной критике. Помимо прочего, в скептицизме Страхова еще очень сильно отразилось, конечно, могучее влияние идей Льва Толстого, дружбой с которым Страхов дорожил больше всего в жизни и в защиту искренности воззрений которого выступил, даже осознавая еретичество своего гениального друга. Он защищал Толстого с тем же бесстрашием и благородством, с каким прежде отстаивал консервативно-национальные идеи Данилевского, с каким пропагандировал в обществе критическое чутье и глубокомыслие Аполлона Григорьева.

Когда в 1885 году умер близкий друг Страхова Н.Я. Данилевский, Николай Николаевич уволился со службы со словами: «Он был самый чистый человек, какого я только знал, и с его смертью я, собственно, уже не могу ничего делать, как только готовиться к своей смерти» [1, л. 38]. Один за другим уходили из жизни его друзья и сверстники. Летом 1895 года, когда Страхову сделали онкологическую операцию, Розанов с печалью сообщал близким, что его старшему другу осталось жить недолго. И в начале января 1896 года, когда у Страхова начался рецидив болезни, Розанов с ужасом подумал, что дело идет к трагической развязке, а он за два года так и не сумел отдать далеко не богатому Страхову значительную часть долга за издание на его средства своей первой книги «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского». Но еще больше огорчало Розанова то, что его старший друг не желает исповедаться и причаститься.

Одно из последних своих писем к Страхову Розанов почти целиком посвятил увещаниям неизлечимо больного философа: «...скажу прямо, видя, как Вам трудно, – причаститесь по образу нашей Церкви, от коей и вы по происхождению – из лучших лоз. <...> Итак, голубчик мой добрый, – почему же в сочинениях своих, вечно цветущих свежестью, Вы писали, не *уставали* писать о религиозном интересе, как самом высшем в жизни, самом важном для человека, – почему Вы это не уставали писать, как не потому, что на дне души, в *темной, непроясненной* стороне духа, ... – Николай Николаевич знал: “*есть Бог*” и твердил: “*Прости мне, Боже*”» [2, с. 315].

Как и в своих лучших книгах, Розанов в присущей ему чуть наивной манере, всегда симпатичной своей доверительностью и конкретностью, ссылается вовсе не на богословские аргументы, а на собственный, не слишком глубокий, но всё же очень ощутимый церковный опыт: «Мне в церкви положительно бывает удовольствие, когда, кладя земной поклон, – немного касаешься головой сапога впереди стоящего на коленях – даже нарочно это делаю, до того это *безотчетно* приятно. Так и Вам всенепременно надо причаститься; просто – это хорошо, это – верно, это – мудро, а главное, в тысячу раз Вы все это лучше чистою Вашою душою понимаете, чем я испорченным и боязливым, и блудливым моим умом» [2, с. 316].

Понимая, что, отягощенному знаниями и прошедшему через горнило религиозных сомнений, Страхову трудно решиться на такой простой шаг, Роза-

нов советует ему прибегнуть к помощи прислуги философа Матрены, исправно, без всякой рефлексии, должно быть, исполнявшей церковные обряды: «Мне даже почему-то весело стало, когда я пишу это, – до того я уверен, что Вам станет лучше; прямо позовите Матрену и скажите: “Что – Матрена – я причаститься хочу, а она уже все сделает”» [2, с. 316].

Страхов обычно умалчивал о собственных религиозных взглядах в своих сочинениях, да и в жизни чаще уверял всех, что он неверующий. Однако если рассмотреть его творчество в целом, то найдется немалое количество убедительных примеров выражения им религиозных чувств. Например, вряд ли можно назвать неверующим человека, который заявляет: «Я готов сказать, что всякая жизнь непосредственно происходит из Бога, что Бог одинаково растит и мелкую травку, и душу величайшего человека. <...> Все из Бога исходит и все к Богу ведет, и в Боге завершается. Мы в Нем живем и движемся и существуем» [3, с. 724–725]. И таких безошибочных знаков верующей души рассыпано по его сочинениям и письмам очень много.

Религиозные настроения очень сильно ощущаются в тональности сочинений Страхова. Да и то уже, что он самостоятельно отправился на Афон, оставив о путешествии к главной православной обители очень яркие воспоминания, и что он был инициатором поездки вместе с Толстым в Оптину пустынь, свидетельствует, по меньшей мере, об интересе Страхова к религии. Недаром почти все близко знавшие Страхова говорили, что он был, конечно, человек верующий, хотя и старался не показывать этого. И чуткий Розанов недаром написал еще в 1890 году в первой же большой статье, посвященной Страхову: «...религиозное составляет ни разу не называемый центр постоянного тяготения его мысли» [4, с. 61]. И сам Страхов согласился с ним: «...конечно, Вы правы, ибо все серьезное в конце концов сводится к религиозному» [2, с. 60].

Однако факт остается фактом: накануне своей кончины Страхов причащаться отказывался. Причиной, думается, было не столько неверие в Бога, сколько нарастающий скептицизм в отношении к случаям церковного формализма и уклонения богословов в своеобразный позитивизм: религиозность Страхова носила всё более критический и нецерковный характер. Надо признать, что под влиянием Толстого в последние годы жизни подобные осуждающие настроения у него заметно усилились.

Консервативный публицист П.А. Матвеев написал в 1907 году статью о поездке Толстого и Страхова в Оптину пустынь, отмечая в ней неточности воспоминаний Д.И. Стахеева на ту же тему, опубликованных в журнале ранее¹. Матвеев писал о Страхове, что он в резкой форме отказался вызвать священника перед операцией. В это утверждение можно, к сожалению, поверить, хотя явно недружественный, порицающий по отношению к покойному Страхову (не говоря уже о Стахееве) тон статьи не вызывает к ней полного доверия.

¹ См.: Стахеев Д.И. Группы и портреты (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник. 1907. Янв. С. 81–94 [17].

Среди вполне верных суждений и компетентных поправок неточностей и заблуждений Д.И. Стахеева в статье Матвеева присутствуют и очень сомнительные вещи: «Л.Н. Толстой, которого я видел в Москве (я был у него в Хамовническом переулке после смерти Страхова в самом конце 1890-х годов), говорил, что его всегда удивляло, что Страхов, человек научно-образованный, отличный стилист и бесспорно умный человек, так мало оказывал влияния на русское общество, что, вероятно, происходило оттого, что он был равнодушен к вопросам религии» [5, с. 156]. Эта фраза вызывает недоумение: можно говорить о *сомнениях* Страхова в вопросах веры, но никак уж не о его *равнодушии* к религии. Толстому здесь приписывается очень сомнительное утверждение, так как писатель, наоборот, не раз отзывался о Страхове как приверженце Православия. Например, художник Нестеров, писавший портрет Толстого, записал такой его рассказ: «Далее Л.Н. рассказал мне, как он был вместе с покойным Страховым в Оптиной пустыни у знаменит<ого> старца Амвросия и как Амвросий, приняв славянофила, верующего церковника Страхова за закоренелого атеиста, добрый час наставлял его в вере православной и как сконфуженный Страхов терпеливо, без возражений выслушивал учительного старца, который при всей прозорливости перемешал своих посетителей» [7, с. 226]. Вопреки сказанному Матвеевым, Л.Н. Толстой считает Страхова даже «верующим церковником».

Учитель детей Толстого В.Ф. Лазурский свидетельствовал в своих воспоминаниях: «Лев Николаевич посоветовал мне обратить внимание на одну черту у Страхова (он об этом говорил и брату); его мистицизм в духе Ефрема Сирина и других восточных учителей церкви» [8, с. 491]. Есть и другие подтверждения религиозности Страхова.

Тем не менее Матвеев категорично говорит о неверии Страхова: «Действительно, как я убедился во время болезни Страхова (у него был рак в полости ушей и на языке, ему делали операцию), он был человек неверующий, хотя думал, что религия нужна для народа. Мягкий и кроткий, он сильно раздражился, когда я упомянул священника перед операцией, и скончался без церковного напутствия» [5, с. 156]. Надо отметить, что ранее, в августе 1877 года, Матвеев после своей поездки в Оптину пустынь вслед за Толстым и Страховым сообщал Страхову совсем другое, почти положительное мнение старцев о Толстом, явно подвергнутое в статье задним числом корректировке вследствие отлучения писателя-еретика²: Сомнительные выводы статьи П. Матвеева оспорил в небольшой реплике через два номера «Исторического вестника» публицист П. Россиев, который процитировал высказывание Страхова из его переписки с Н.Я. Гротом: «Едва ли может быть назван неверующим тот, кому принадлежат следующие слова: “Истину нашел уже Платон; она состоит в том, что есть Бог и что высшее действие нашей мысли – подниматься к Богу”» [6, с. 1056]. Россиев

² См.: Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полн. собр. переписки: в 2 т. Т. 1, 2. М.: Оттава, 2003. С. 355 [3].

назвал взгляды Страхова, сочувственные Православию, «философским христианством», которое, по его мнению, никак не «равнозначит» с неверием.

А вот что писал редактору «Исторического вестника», где была напечатана статья П.А. Матвеева, 16 апреля 1907 года, после ее прочтения, возмущенный Д.И. Стахеев: «На днях получил апрельскую книжку “Исторического Вестника” и изумился статье Матвеева о Страхове. Видно, ему, как ослу, хотелось лягнуть покойника, да с ним вместе – и меня. Лягнуть-то легко, но какая от этого и кому честь? И врет он, что Страхов не пожелал перед смертью исповедоваться. Мне лучше знать, что он говорил в последние минуты, а говорил он (слабым голосом), что “желаю исповедоваться”³. Эти слова может подтвердить и мой племянник, бывший при нем в предсмертные его минуты. <Он теперь профессор по анатомии в Одессе: в случае – можно его спросить и он подтвердит мои слова.> За священником тогда послали, но он уже не застал Страхова в земной оболочке, с духом его, освободившимся от темницы, он, конечно, вести беседу не мог – и ушел ни с чем» [9, л. 80–81].

Далее Стахеев дает довольно неприглядную характеристику личности Матвеева, которую завершает такими словами: «Н.Н. (скажу по секрету) очень тяготился знакомством с Матвеевым, но по ангельскому своему характеру терпеливо переносил его и нередко говаривал про него: “Да, да, он навязчив и очень неприятен, но что делать – надо переносить и его, как и всякое другое житейское огорчение”» [9, л. 81].

* * *

В отличие от кончины Страхова, о последних днях Розанова и его смерти в Сергиевом Посаде в 1919 году известно очень многое, вплоть до таких мелких подробностей, как выглядел Василий Васильевич, что в тот или иной день говорил и что ел, как жизнь постепенно уходила из умирающего тела... Его жизнь, о драматических перепадах которой тоже написано уже немало, завершилась в центре русского Православия, неподалеку от могилы преподобного Сергия, в окружении верующих. Когда Розанов появился в Сергиевом Посаде, все были уверены, что Василий Васильевич перебирается к Троице умирать вблизи православных святынь. И хотя в последние годы Розанов работал над книгой из жизни милого его сердцу языческого Древнего Египта, древнеегипетское язычество и русское Православие как-то мирно уживались в его богатой и противоречивой душе. И по приезде в Сергиев Посад он собрался писать «Троицкие березки», так же противоречиво сводя воедино языческие и христианские мотивы. Но Октябрьская революция и последовавшие затем лишения вызвали из глубин души Розанова огненные строки «Апокалипсиса нашего времени». Богохульные мотивы, порожденные во времена Религиозно-

³ Таковое желание было высказано на предложение пригласить священника со Св. Дарами (прим. Д. Стахеева).

философских собраний, зазвучали с новой силой. С присущей ему парадоксальностью Розанов возложил обвинения в революционной катастрофе на христианство, на Церковь и прежде всего на Христа.

И когда от голода, холода и переживаний Розанов скончался среди зимы, неудивительно, что о его предсмертных настроениях ходили разные слухи. Дочь Надежда неутомимо рассылала письма о христианской кончине во все адреса: «Смерть его была чудная, радостная. Вся смерть его и его предсмертные дни была одна Осанна Христу» [10, с. 312]⁴. Но сообщала она и о распротранявшихся слухах.

Голлербах смог описать эти недружественные слухи и опровергнуть их только в 1923 году, в статье «Последние дни Розанова (к 4-й годовщине смерти)», опубликованной в берлинской газете «Накануне». Голлербах писал: «Жестокие муки испытал Розанов на пути в сад смерти. <...> Но, несмотря на тяжкие страдания, перед самой смертью душа Розанова озарилась необычайным горением. Огромный сдвиг произошел в нем, огромный подъем. Для меня не было ничего неожиданного в том, что Розанов умер христианином, умер вполне “православно”» [10, 310–311]. Однако Голлербах отмечает, что по Москве и Петрограду упорно ползут неправдоподобные слухи, о которых ему писала еще после смерти отца Надежда Розанова: «В Москве повсюду ходит легенда, что папа прогнал покойного брата Васю, который хотел стать красноармейцем, и, кажется, что даже выгнал его из дома. Перед смертью же действительно причастился, но после помолился и статуе Озириса» [10, с. 313]. Свидетельство Надежды Розановой Голлербах дополнил собственным развенчанием злословия после встречи с Зинаидой Гиппиус: «З.Н. Гиппиус вскоре после смерти Розанова передала мне от слова до слова рассказы про Иегову и Озириса, присоединила к ним еще Аписа, Изиду и Астарту» [10, с. 314].

Запись о «творимой легенде» и об одном из главных ее творцов обнаруживается и в Дневнике секретаря РФО Сергея Каблукова, который приводит, со слов З.Н. Гиппиус, рассказ о том, что после причастия Розанов будто бы заявил: «Ну хорошо, а теперь подымите меня, я помолюсь своему (или моему) Богу. И далее произошло нечто неопишное и непристойное» [11, с. 1000].

Все эти факты и мнения достаточно известны. Но хотелось бы обратить внимание читателей на очень важный и относительно новый источник – «Дневники С.Н. Дурылина» за 1917–1919 годы, опубликованные в журнале «Наше наследие»: за 1917–1918 годы – под названием «Из Олонецких записок» в № 100 (2011 г.); за 1918–1919 годы – под названием «Троицкие записки» в № 116–118 (2015–2016 гг.).

Тут и там в драгоценных дневниках, запечатлевших переломную эпоху, мелькает имя «до dna частного человека» [12, с. 146], В.В. Розанова. Дневники позволяют, например, уточнить время прибытия Розанова в Сергиев Посад. Ранее эта важная дата была неясна: многие считали, что писатель приехал в

⁴ Голлербах Э.Ф. Последние дни Розанова // Василий Розанов: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1996. С. 312.

Сергиев Посад в сентябре. Но из дневника Дурылина следует, что Розанов появился в Сергиевом Посаде уже в середине августа. Дневник дает живое, зримое представление о тревожной атмосфере периода революции в центре Православия, хотя сама тема резкого роста антихристианских настроений у Розанова под влиянием драматических событий в опубликованных частях Дневников практически не затрагивается. Но уже с самой первой беседы за обедом у отца Павла Флоренского, в которой принимают участие, помимо священника, Ф.К. Андреев и С.Н. Дурылин, видно, что у Розанова свой, особый взгляд на всё происходящее.

Розанов хотел было пожить в Абрамцево у давно знакомого ему М.Н. Нестерова, но художник не может его принять: «мистический озорник» [12, с. 138] несовместим с остановившимся у него известным консерватором из славянофильского семейства А.Д. Самариным, отставленным от должности обер-прокурора Святейшего Синода в 1915 году за бескомпромиссность в вопросах веры. Во избежание возможного ареста большевиками Самарин жил тогда в Абрамцево у Нестерова и, узнав от Дурылина о том, что Розанов собирается поселиться у Троицы, заявил решительно, что его надо гнать из Сергиева Посада...

В «Троицких записках», второй части Дневников, начинающейся с 18 декабря 1918 года, среди молитвенных размышлений Дурылина и его рассказа о духовных событиях в Сергиевом Посаде, главное из которых – открытие поражающего силой красок расчищенного светоносного образа Святой Троицы Рублева, появляются записи о состоянии здоровья постепенно угасающего Розанова. Самое, конечно, важное в этом ценном историческом свидетельстве – подробный и почти эпический рассказ о кончине и похоронах писателя.

Так, 2 января 1919 года, в именины Розанова, Дурылин подробно описывает его состояние: «Он лежит ногами к теплой печке, на высокой кровати, весь укутанный всем, чем можно, на голове розовый шерстяной капор. Он осунулся, нос обострился, – глаза карие и точно в них что-то притушено: будто пламя лампы убавлен, слабо горит, но еще не мерцает, а горит, – и глаза глядят из-под нависающих куделяшек капора, – и, видно, лежит и думает» [13, с. 82]. Умиравший писатель переживает жуткую тоску неминуемого ухода из жизни и расставания с живыми, жалуется на страшное ощущение нарастающего холода смерти: «*Черные воды Стикса*. Они холодом пронизывают каждую ниточку во мне. <...> И все уйдут, все уйдут, все уйдут... Он тихо старчески, какими-то жидкими частыми-частыми слезками – рыдал – и вдруг зачистил – слеза за слезой, слово за словом, все учащая, учащая до какой-то страшной нечеловеческой мелкой дроби слезной: – Уйдут, уйдут, уйдут, уйдут, уйдут... у-й-д-у-у-у-т...» [13, с. 82]. Описание страданий Василия Васильевича, последних его мыслей, неутолимой жадности слабеющего к еде и курению, физического умирания тела чередуется с описанием «великой борьбы» верующих христиан за его душу.

На следующий день, 3 января, Дурылин записывает:

«3-го. Вечером. Был у В.В. Ему худо. Язык плохо слушается, – как страшно, не повинуется. Речь не выходит. <...>

– Я знаю, что скоро умру, но когда – не знаю. Я весь словно в каком-то мареве. Помолчал.

– Поцелуйте меня. И мне что-то зашептал:

– Матовое, матовое. – И еще что-то: “я ведь знаю, что это грех...” И мучительные усилия что-то сказать. Язык не хочет служить мысли. И другим шопотом, ясней, тверже, так, что Надя услышала: – Христос Воскресе!» [13, с. 84].

Через несколько дней новая запись о Розанове, главная тема которой – чувство голода: «В.В. непрерывно говорил, мечтал, кричал, плакал, нежничал, рассуждал о еде, давал мне заказ на пирог с малиной, с творогом, на мед, на сметану и т.д. <...> Глаза у него какие-то сегодня большие, на выкате, он кажется худым до ужаса. А мысль – есть, есть, есть... “Принесите нашу провизию и все положите около моей кровати”. А вся провизия – брюква» [13, с. 88].

18 января: «В. В-чу вчера было очень плохо. Не мог говорить. Ничего не ел. К вечеру попросил, чтобы его причастили. Причастился, исповедовавшись, в третий раз. И стало лучше: ел, пободрел, заговорил» [13, с. 89].

И вот запись о кончине Розанова: «23-го, в среду, около 12 ч. дня по старому времени скончался Василий Васильевич. <...> Он умирал тихо, покойно, в великой тишине и простоте. <...> А теперь мы пришли ровно-ровно за 10 мин<ут> до его смерти, и умирал он, как таинство совершал. На лице не было никакой муки, ни тени страдания, ни черты беспокойства и страха. <...> Таинство свершалось, и, когда оно совершилось, – никто не заметил. <...> Была только тишина и молитва. <...> Я подошел, поклонился ему до земли, и закрыл ему глаза. Теперь уже он весь был не наш» [13, с. 89].

С.Н. Дурылин особо отмечает умиротворенное состояние В.Д. Розановой при подлинной христианской кончине ее мужа: «Варвара Дмитриевна, плача тихо и счастливо, сказала: “Он умер как христианин”. Видно было, сколько мук, надежд и опасений было у нее вокруг его смерти, – и всех их он отстранил своей кончиной. “Четыре раза приобщился. Собоковался маслом. Умер под Покровом Преподобного Сергия”» [14, с. 94–95].

А далее Варвара Дмитриевна неожиданно вспоминает вдруг кончину Н.Н. Страхова, с описания которой начинался этот доклад: «Я видела, как умирал Страхов. Он ходил все в лютеранскую церковь. Нельзя было причастить, не исповедовался. Мучился долго. Я много смертей видела. Никто так не умирал» [14, с. 95].

По пути на кладбище Дурылин, неся гроб Розанова, предается любопытному размышлению о судьбе покойного: «Последний раз видит он Лавру, куда, как ни странно, промыслительно был приведен Богом. Умер бы в Петрограде – были бы кругом нецерковные люди, холод бесцерковный, гнилое кладбище...» [14, с. 98].

Похоронили Розанова на кладбище Черниговского скита на окраине Сергиева Посада, и последнюю почеть ему отдали, по словам Дурылина, «не литераторы, не политики, не евреи, не государство, а – монастырь» [14, с. 98]. У святых во-

рот похоронную процессию ждало духовенство: «три иеромонаха, два иродиакона с кадилами, все в белых ризах, запрестольные Кресты и Божия Матерь, монахи – певчие. <...> Лития. Поют монахи, кадят ему торжественно иеродиаконы. Какой чин во всем, сила, красота! Мы подняли гроб и понесли мимо собора. <...> Я, неся гроб, заплакал: его могила *была рядом* с Леонтьевым, так что землю его могилы привалили вплотную к Леонтьевскому памятнику: кто придет к Л<еонтьеву> – придет и к нему, кто к нему – к Л<еонтьеву>!» [14, с. 98].

Из дневника Дурылина мы узнаем еще одно немаловажное обстоятельство: это место на кладбище Черниговского монастыря, рядом с духовно близким ему Леонтьевым, досталось Василию Васильевичу не совсем случайно: оно перешло к нему от видного церковного деятеля Михаила Новоселова. Будущий священномученик ранее выбрал это место, «через дорожку от Леонтьева» [14, с. 97], для себя. А позднее Михаил Александрович пожелал упокоиться в Даниловом монастыре, где настоятелем тогда был бывший ректор Духовной Академии, его друг и единомышленник епископ Феодор (Поздеевский). Однако и там ему было не суждено обрести упокоение – как идейный вдохновитель «истинно-православного» движения в Русской Церкви, он был расстрелян в 1938 году, после многолетнего пребывания в тюрьмах, а погребен в общей безвестной могиле. Мы знаем, что, прославленный ныне в лике святых мучеников, М.А. Новоселов был очень строг к Розанову, особенно после издания им «Апокалипсиса нашего времени». Но через «завещанную» Розанову могилу словно восстановилась в вечности, несомненно, имевшаяся между ними духовная связь.

Итак, Розанов упокоился в Сергиевом Посаде, на кладбище Черниговского скита. У этой ныне ухоженной могилы, над которой высится деревянный крест, ежегодно 5 февраля собираются почитатели Розанова, чтобы отслужить панихиду по большому писателю и мыслителю. При этом не забывают они помануть и К.Н. Леонтьева (в монашестве Климента), могила которого расположена по соседству.

Могила Н.Н. Страхова находится в Петербурге, на Новодевичьем кладбище, в дальнем запущенном углу, и, когда писалась эта статья, она была в плачевном, неухоженном состоянии и нуждалась в реставрации.

* * *

В заключение необходимо хотя бы кратко прокомментировать свидетельство Дурылина о словах В. Д. Розановой у смертного одра Василия Васильевича по поводу мучительной смерти Страхова. Нет сомнения, что Варвара Дмитриевна могла на радостях от мирного упокоения мятущегося «друга» произнести подобные слова, однако их соответствие действительности вызывает некоторые сомнения. Сам Розанов в некрологе Страхова писал: «Прекрасна вполне была кончина Страхова – прекрасна по обилию в нем терпения и светлого духа» [4, с. 209]. Из этой статьи-некролога следует также, что Василий Васильевич

непосредственно при кончине Николая Николаевича ночью не присутствовал (как, вероятно, и Варвара Дмитриевна), а пришел в его квартиру только утром, когда тело покойника было уже перенесено в другую комнату.

Кончина Страхова была, видимо, всё же не столь мучительной, да и его предсмертные страдания продолжались не очень долго. Менее чем за месяц до смерти Страхов был еще в рабочем состоянии, о чем говорит, например, его любопытное письмо-ходатайство к редактору журнала «Северный вестник» Любови Гуревич, написанное 3-го января 1896 г. Он просит в нем за историка К.Н. Бестужева-Рюмина, который, по его мнению, достоин получать непосредственно из редакции журнал «Северный вестник». Страхов мотивирует свою заботу о почтенном историке в характерной для него смиренной манере: «А я получаю и очень смущаюсь тем, что стою этого меньше Бестужева» [15, л. 7].

16 января 1896 года В.Г. Чертков, не зная о рецидиве болезни Страхова, задумал зайти к нему по делам Л.Н. Толстого. На следующий день он сообщал Толстому о том, что Страхов снова болен, но стойко переносит болезненное состояние: «Последнюю неделю он страдал от новой болезни – сердцебиения с удушием, которые мешали ему спать по ночам и очень мучительны. Кроме того, у него новая опухоль на нижней челюсти, которую доктора собираются вырезать. Но сам Николай Николаевич не придает этому большого значения. Может быть, подумал я, доктора не всё ему говорят. Несмотря на всё это, он имеет бодрый и живой вид» [16, с. 88].

Более того, даже за два дня до кончины, когда Страхов действительно был уже в крайне тяжелом состоянии, он все-таки еще был способен думать о делах ближних: Николай Николаевич обеспокоился из-за того, что крайне нуждавшийся в рабочем месте молодой философ и друг Розанова Ф.Э. Шперк из стеснительности не пошел своевременно по его рекомендации к директору Императорской публичной библиотеки А.Ф. Бычкову.

Отмечается, что скончался Н.Н. Страхов без агонии, и последние засвидетельствованные его слова были вовсе не о мучениях, а о намеченных трудах: «Ну, я отдохнул, теперь поработаю» [8, с. 347].

В посвященных Страхову воспоминаниях Д.И. Стахеева даже и сама смерть философа обрисована иначе, чем о ней говорила В.Д. Розанова: «Страхова, кстати сказать, иначе нельзя себе и представить, как с улыбкой, и не только в то время, когда он, хлороформированный лежал под ножом оператора в Николаевском сухопутном госпитале (ему обрезали часть языка, пораженного болезнью рака), на лице его оставалось обычное добродушное выражение улыбки, но даже и тогда, когда он был разлучен со своими книгами и уложен в гроб, – на лице его сохранилась улыбка» [17, с. 92].

Список литературы

1. Письма Н.Н. Стрехова к П.Д. Голохвастову // ОР ИРЛИ (Санкт-Петербург). Ед. хр. 1160.
2. Розанов В.В. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Стреховым // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Стрехов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 7–316.
3. Л.Н. Толстой и Н.Н. Стрехов. Полн. собр. переписки: в 2 т. Т. 1, 2. М.: Оттава, 2003.
4. Розанов В.В. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. Т. 2. СПб., 2015.
5. Матвеев Павел. Л.Н. Толстой и Н.Н. Стрехов в Оптиной пустыни // Исторический вестник. 1907. Апр. С. 151–157.
6. Россиев Павел. Был ли Н.Н. Стрехов «неверующим человеком»? // Исторический вестник. 1907. Июнь. С. 1056.
7. Нестеров М.В. Письма. Избранное / вступ. ст., сост., коммент. А.А. Рукаковой. 2-е изд. Ленинград: Искусство. Ленинградское отделение, 1988.
8. Лазурский В.Ф. Дневник // Литературное наследство. Т 37–38. Л.Н. Толстой. М., 1939. С. 444–503.
9. Письма к С.Н. Шубинскому // ОР РНБ (Санкт-Петербург). Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 111.
10. Голлербах Э.Ф. Последние дни Розанова (к 4-й годовщине смерти) // Василий Розанов: pro et contra. Антология: в 2 кн. / изд. подгот. В.А. Фатеев. Кн. 2. СПб: РХГИ, 1996. С. 309–315.
11. Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 1056 с.
12. Дурьлин С.Н. Из «Олонецких записок» / публ., коммент. и указ. имен М.А. Рашковской. Дневник 1917–1918 гг. // Наше наследие. 2011. № 100. С. 133–155.
13. Дурьлин С.Н. Троицкие записки / публ. и примеч. А. Резниченко и Т. Резвых // Наше наследие. 2015. № 116. С. 77–103.
14. Дурьлин С.Н. Троицкие записки / публ. и примеч. А. Резниченко и Т. Резвых // Наше наследие. 2016. № 117. С. 94–111.
15. Письма Н.Н. Стрехова к Л.Я. Гуревич // РО ИРЛИ (Санкт-Петербург). Ед. хр. № 2382.
16. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 87. Письма к В.Г. Черткову. 1890–1896. М., 1928–1958.
17. Стахеев Д.И. Группы и портреты (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник. 1907. Январь. С. 81–94.

References

1. Pis'ma N.N. Strakhova k P.D. Golokhvastovu [N.N. Strakhov's Letters to P.D. Golokhvastov], in *MSS. Dept., Institute of Russian Literature, St. Petersburg. Ed. khr.* (file) no. 1160.
2. Rozanov, V.V. Perepiska V.V. Rozanova s N.N. Strakhovym [V.V. Rozanov's correspondence with N.N. Strakhov], in Rozanov, V.V. *Literaturnye izgnanniki. N.N. Strakhov. K.N. Leont'ev* [Literary Exiles. N.N. Strakhov. K.N. Leontyev]. Moscow: Respublika, 2001, pp. 7–316.
3. *L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov. Polnoe sobranie perepiski v 2 t., t. 1, 2* [L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov. Complete Correspondence in 2 vol., vol. 1, 2]. Moscow: Ottawa, 2003.
4. Rozanov, V.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 35 t., t. 2* [Complete Works in 35 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg, 2015. 784 p.
5. Matveev, P. L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov v Optinoy pustyni [L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov in Optina Pustyn Monastery], in *Istoricheskiy vestnik*, 1907, April, pp. С. 151–157.
6. Rossiev, P. Byl li N.N. Strakhov «neveruyushchim chelovekom»? [Was N.N. Strakhov a Non-Believer?], in *Istoricheskiy vestnik*, 1907, June, p. 1056.
7. Nesterov, M.V. *Pis'ma. Izbrannoe* [Letters: A Selection]. Leningrad: Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1988.
8. Lazurskiy, V.F. Dnevnik [Diary], in *Literaturnoe nasledstvo. T 37–38. L.N. Tolstoy* [Literary Heritage. Vol. 37–38. Leo Tolstoy]. Moscow, 1939, pp. 444–503.

9. Pis'ma k S.N. Shubinskomu [Letters to S. N. Shubinsky], in *MSS. Dept. Russian National Library*, St. Petersburg. F. (Fund) 874. Op. [Inventory] 1. Ed. khr. [File] no. 111.
10. Gollerbakh, E.F. Poslednie dni Rozanova (k 4-y godovshchine smerti) [Rozanov's Last Days (In Commemoration of the 4th Anniversary of His Death)], in *Vasily Rozanov: pro et contra. Anthology*, in 2 vol., vol. 2. Saint-Petersburg: RKhGI, 1996, pp. 309–315.
11. Fateev, V.A. *Zhizneopisanie Vasiliya Rozanova* [Biography of Vasily Rozanov]. Saint-Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2013. 1056 p.
12. Durylin, S.N. Iz «Olonetskikh zapisok». Dnevnik 1917–1918 gg. [From the Olonets Notes. Diary of 1917–1918], in *Nashe nasledie*, 2011, no. 100, pp. 133–155.
13. Durylin, S.N. Troitskie zapiski [Trinity Notes], in *Nashe Nasledie*, 2015, no. 116, pp. 77–103.
14. Durylin, S.N. Troitskie zapiski [Trinity Notes], in *Nashe Nasledie*, 2016, no. 117, pp. 94–111.
15. Pis'ma N.N. Strakhova k L.Ya. Gurevich [N.N. Strakhov's letters to L.Ya. Gurevich], in *MSS. Dept. Institute of Russian Literature*, St. Petersburg. Ed. khr. (file) no. 2382.
16. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 90 t., t. 87. Pis'ma k V.G. Chertkovu. 1890–1896* [Complete Works in 90 vol., vol. 87. Letters to V.G. Chertkov. 1890–1896]. Moscow, 1928–1958.
17. Stakheev, D.I. Gruppy i portrety (Listochki vospominaniy) [Groups and Portraits (Leaves of Memories)], in *Istoricheskiy vestnik*, 1907, January, pp. 81–94.